

Жизнь правда. — 1993. — 22 дек. с. 8.

Новую жизнь «Крематорий» начал с сожжения старой шляпы

В маленьком тесном подвальчике, расположенном в центре Москвы, в окружении живописных руин, проходят съемки художественного фильма о рок-музыкантах. Последние, в лице группы «Крематорий», приглашены авторами сценария для того, чтобы в условиях, приближенных к боевым, сыграть самих себя.

Для группы это событие совпало с другим, гораздо более знаменательным — «Крематорию» исполнилось десять лет. Тогда в ДК Горбунова музыканты устроили бесплатный юбилейный концерт, на котором Армен Григорян торжественно сжег свою черную шляпу и начал новую жизнь. На что она будет похожа?

— Лет десять назад ни за что бы не подумал, что в 33 года буду играть рок-н-ролл. Удивительно и странно, что мы вообще дожили до этого момента. Десятилетие — хороший повод для того, чтобы двигаться дальше. И то, что я сжег шляпу, и отъезд Миши Россовского, нашего скрипача, на историческую родину — все это работает на реорганизацию группы. У нас уже давно возникла идея поменяться, играть немножко другую музыку. Мы стали взрослее да и устали от «крематорского» звучания, сложившегося за последние десять лет.

— Раньше «Крематорий» многие называли «дворовой» группой, в основном из-за небрежных аранжировок. Теперь ситуация изменится?

— «Крематорий» называли и называют по-разному. Вообще-то сначала предполагалось, что группа будет флатовой, то есть квартетной. Входным билетом служила бутылка портвейна. А сейчас это серьезная группа с серьезными музыкантами, почти все с высшим музыкальным образованием.

— В твоей музыке все чаще в чаще звучат ностальгические нотки. Такое ощущение, что все хорошее осталось в прошлом. Согласен?

— Это одна из причин, которая подтолкнула нас попытаться по-новому взглянуть на мир, на дальнейшую жизнь и на прошлое. Но что плакать о том, что было! Бы-

Армен Григорян: «Наше окружение всегда состояло из нетривиальных людей. Я взял чуть-чуть от каждого из них, и получились песни».

ло и прошло, значит, надо добавит еще, обязательно, чтобы увидеть жизнь по-другому. Иначе мы станем заложниками своих же старых вещей. Ведь публике удобнее и проще слушать то, что она уже знает, чем воспринимать новое. Поклонники хотят, чтобы мы постоянно играли «Та-по», «Эльзу», «Америку» и другие наши хиты. А мы хотим создать что-то отличное от того, что было.

— В 1991 году в журнале «Драйв» был опубликован отрывок из «Винных мемуаров» Виктора Троегубова. Там говорилось, что само название «Крематорий» тебе сначала не показалось. Может, ты боялся стать заложником темы смерти? Вообще, как твой внутренний мир связан с идеей смерти и огненного погребения?

— Название пришло само по себе. В свое время я написал песню «Крематорий», а потом, кажется, кто-то из друзей сказал, что раз есть песня, то пусть и группа называется. А смерть... Что будет после смерти — неизвестно, может, кто-нибудь когда-нибудь узнает и расскажет.

— У многих твоя музыка ассоциируется с картинами Сальвадора Дали, который, как известно, рисовал свои страхи...

— Когда музыка создает

абстрактные картинки — это хорошо. Но большинство наших песен имеет конкретный сюжет. Все достаточно жизненно, мы ведь жизненная группа, наш материал мы черпаем не из наркотических снов, а из действительности. Наше окружение всегда состояло из нетривиальных людей, общенье с которыми давало очень много. Я взял чуть-чуть от каждого из них, и получились песни.

— Среди твоих поклонников бытует мнение, что твоя жизнь представляет собой сплошное стремление к саморазрушению, которое уже стоило жизни таким звездам, как Моррисон, Джоплин... Учитывая тематику твоих песен, молодежь почему-то решила, что ты призываешь ее отпустить все тормоса.

— Разрушаться я не хочу, у меня есть дети, любимая жена, близкие... Вообще чем человек моложе, тем он больше уверен в том, что жизнь бесконечна и в ней надо попробовать все. Такую полосу мы прошли, но это было лишь увлечением, поиском.

— У тебя очень странные женские образы в песнях. Похоже, для тебя женщина и порок — синонимы. Что скажешь?

— Женщина — это бестия, с одной стороны, а с другой

стороны, она — самое красивое, что создано природой или Богом, как хотите. На одном плече черт сидит явно у всех теток, а на другом сидит Бсг.

— Вернемся к творчеству. Пробовал ли ты выражать себя по-другому: рисовать, валять, что-нибудь еще?

— В свое время я писал прозу, руководствуясь словами Бабеля, который считал, что, написав рассказ, необходимо сразу же вычеркивать все лишнее, не надо много слов. Я писал, потом вычеркивал и довычеркивался до того, что последний рассказ состоял вообще из одного слова. Дальше развивать эту тему было некуда.

— Ты действительно не считаешь себя поэтом?

— Я — композитор. Раньше я сочинял песни на некоем англо-марсианском языке или брал чужие тексты. В школе, я помню, мы пели «Слайд», «Криденс», рок-н-роллы всякие... Первая песня, которую я сочинил, была «Крылатые слоны» в 1977 году. Получилось довольно легко. Написать музыку для меня гораздо сложнее, чем текст. Можно, конечно, взять ручку и изнасиловать своими стихами лист. А музыка должна появиться откуда-то.

Екатерина ЖИВОВА,
Дарья БАТЬГИНА.